

Энергетический диалог ЕС-Россия: конкуренция против монополий



Владимир Милов

Сентябрь 2006



Программа исследований
по России и ННГ

Французский Институт Международных Отношений (ИФРИ) является ведущим независимым центром исследований, информации и общественных дебатов в области актуальных международных вопросов во Франции. Он был создан в 1979 году Тьерри де Монбриалем и имеет статус общественно значимой ассоциации (согласно французскому закону об ассоциациях 1901г.). Институт не подчинен какому-либо административному органу, самостоятельно определяет направления своей деятельности и регулярно публикует результаты своих исследований.

Ответственность за мнения, высказанные в данной статье, возлагается исключительно на ее авторов.

Research Programme Russia/NIS
©Ifri, 2006 – www.ifri.org
Institut Français des Relations Internationales
27 rue de la Procession – 75740 Paris cedex 15 – France
tél. : 33 (0)1 40 61 60 00 – Fax : 33 (0)1 40 61 60 60

Russie.Nei.Visions

Russie.Nei.Visions – электронная коллекция статей, посвящённая России и новым независимым государствам (Беларусь, Украина, Молдова, Армения, Грузия, Азербайджан, Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан и Кыргызстан). Эти небольшие по объёму статьи подготовлены известными в своей области экспертами и являются статьями *policy oriented* по политическим, стратегическим и экономическим вопросам.

Статьи, опубликованные в этой коллекции, отвечают стандартам качества ИФРИ (редакционный контроль и анонимная экспертная оценка).

Если Вы желаете получать информацию о следующих выпусках коллекции по электронной почте, Вы можете оформить бесплатную подписку по адресу: info.russie.nei@ifri.org

Владимир Милов – президент независимого Института энергетической политики в Москве, бывший заместитель министра энергетики РФ. С 1997 года по 2001, он работал в Федеральной энергетической комиссии РФ, занимающейся регулированием естественных монополий, где с 1998г. возглавлял управление экономического анализа. В 2001 году перешел на работу в Центр стратегических разработок (научно-исследовательский институт при правительстве РФ), где руководил проектами по разработке энергетического законодательства. С декабря 2001г. – советник Министра энергетики Российской Федерации, а затем, с мая по октябрь 2002г. – заместитель Министра энергетики РФ. В конце 2002 года ушёл с этой должности по собственному желанию и возглавил независимый Институт стратегического развития ТЭК (с ноября 2003г. – Институт энергетической политики).

В. Милов ведет регулярные авторские колонки в российской ежедневной деловой газете *Ведомости* и публикует статьи в западных СМИ, в частности, *The Wall Street Journal* и *The Financial Times*.

Оглавление

<i>Оглавление</i>	2
<i>Краткое содержание статьи</i>	3
<i>Введение</i>	4
<i>Камни преткновения в энергетическом диалоге ЕС-Россия</i>	6
<i>В проигрыше оказываются потребители.....</i>	8
<i>Европейские разногласия и разочарования.....</i>	11
<i>Заключение</i>	14

Краткое содержание статьи

Энергетические отношения между Россией и Европейским Союзом по всей очевидности вступили в новую стадию, для которой характерна растущая асимметрия между поставщиками - государственными монополистами и постепенной либерализацией европейских энергетических рынков. В этой ситуации многие эксперты предлагают широкий спектр новых подходов к энергетическим отношениям ЕС-Россия. К сожалению, многие из них предполагают «оборонительные» решения, вызванные нехваткой доверия партнёров друг к другу. Возможен ли всё же позитивный подход? В статье утверждается, что ключевой универсальной ценностной составляющей в развитии новых устойчивых энергетических отношений между Россией и Европой является конкуренция. Очевидно, что регулирующие конкуренцию органы ЕС должны взять на себя ведущую роль в установлении новых рамок энергетических отношений ЕС-Россия в будущем. Успех их усилий будет определяющим не только для безопасности энергетических поставок европейским потребителям, но также для российского и евразийского рынков энергоносителей в целом.

Введение

Россия и Европейский Союз вступают в совершенно новую стадию энергетических отношений. Глубокая рыночная интеграция неизбежно приходит на смену характерной для прошлого схеме оптовых поставок энергоносителей из России в Европу на условиях «франко-граница». Растущая зрелость российских энергетических компаний пробуждает в них стремление выйти на розничные европейские энергетические рынки. Одновременно и европейские компании стремятся к развитию партнёрств в сфере разведки и добычи энергоресурсов в России с целью обезопасить свои рыночные позиции по переработке, транспорту и сбыту в Европе.

Меняется и политический контекст отношений: в ЕС всё большую роль играет конкуренция, а на смену традиционным вертикально интегрированным энергетическим рынкам приходят либерализация и открытость. Российским же поставщикам присущи противоположные тенденции, а именно – концентрация и централизованный контроль. Эти процессы протекают на фоне быстрорастущей зависимости Европы от импорта энергоресурсов (в новой Зелёной книге Европейской комиссии, *Стратегия безопасной, конкурентоспособной и устойчивой энергетики для Европы*, признаётся, что в ближайшие 20-30 лет около 70% энергопотребления ЕС, по сравнению с сегодняшними 50%, будут обеспечиваться за счёт импорта¹). Россия останется одним из важнейших поставщиков энергоносителей в Европу и, по всей видимости, в будущем её позиции только укрепятся.

В этой меняющейся ситуации многие эксперты предлагают различные новые подходы к энергетическим отношениям ЕС-Россия. Многие из них, к сожалению, предполагают решения «оборонительного типа», что вызвано нехваткой взаимного доверия партнёров, подтверждением чему являются ограничения на участие европейских инвесторов в российской разведке и добыче нефти и газа и стремление европейцев диверсифицировать источники импорта энергоносителей, уменьшив тем самым зависимость от поставок из России. Очевидно, что такие подходы продиктованы политическими соображениями и не соответствуют естественному процессу рыночного сближения России и Европы, основанному на географической близости и давних экономических связях.

Переведено с английского Натальей Киселёвой-Туле.

¹ Комиссия Европейского сообщества, Зелёная книга, *Стратегия безопасной, конкурентоспособной и устойчивой энергетики для Европы*, Брюссель, 8 марта 2006г., <http://ec.europa.eu/energy/green-paper-energy/index_fr.htm>.

Существует ли иной, позитивный подход? В этой статье будет рассмотрен особый аспект энергетических отношений Евросоюз-Россия: увеличивающаяся асимметрия между принципами свободной конкуренции, провозглашаемыми Европейской комиссией, и энергетическими монополиями в России, а также и внутри самого Евросоюза.

Камни преткновения в энергетическом диалоге ЕС-Россия

Как правило, Россия предпочитает строить свои отношения с Европейскими странами – как с правительствами, так и энергетическими компаниями – на двусторонней основе. Такой подход объясняется естественными историческими причинами: большая часть политических и торговых отношений в энергетике сложилась в период холодной войны, когда функционирование общих структур ЕС ещё не было эффективным, во всяком случае, в сфере энергетической политики. Большинство этих отношений базировалось на двусторонних соглашениях между вертикально интегрированными европейскими компаниями, национальными или региональными монополистами, зачастую тесно связанными с национальными правительствами и отдельными политиками, с одной стороны, и российскими компаниями, которым эти характеристики были свойственны в ещё большей степени, с другой стороны. Эти двусторонние связи развивались, в основном, по принципу картелей, для которых характерны отсутствие прозрачности и явное стремление защитить рыночные позиции европейских импортёров российских энергетических ресурсов. Такой формат отношений был закреплён соответствующими законодательными рамками, включающими целый набор элементов защиты рыночных позиций европейских импортёров газа (долгосрочность контрактов на поставку, страновое назначение поставок газа в Европу – *destination clause*) в обмен на благоприятные условия для экспортёров газа (принцип «бери или плати»). Это касалось, в первую очередь, именно сферы газовых поставок, где вертикальная интеграция долгое время доминировала как в России, так и в Европе.

Тем не менее, под влиянием процесса европейской интеграции появились новые подходы к единой европейской политике, возникли новые правила игры, продвигающие свободную конкуренцию и политику открытых рынков, что бросило вызов установившимся рамкам отношений между Россией и европейскими странами-импортёрами её энергоносителей. Более того, быстрое строительство новых газопроводов и, в ещё большей степени, рост поставок сжиженного природного газа придали большую гибкость энергетическим рынкам и привели к их постепенной интернационализации и смене контекста их развития. Очевидно, что старые рамки (один поставщик – один оптовый покупатель) не соответствуют в полной мере новому, основанному на конкуренции, формату европейских энергетических рынков. Многочисленные трения

между европейской комиссией и российскими и европейскими энергетическими монополиями выявили несколько основных пунктов разногласий:

- конфликт с европейскими инстанциями по защите конкуренции относительно странового назначения поставок газа в Европу (*destination clause*), оговоренного в долгосрочных контрактах на поставки газа российскими компаниями и Газпромом (конфликт был разрешён, но в нём явно проявилось стремление защитить европейских партнёров Газпрома от конкуренции);
- нежелание России ратифицировать договор Энергетической хартии, а также её сопротивление свободному доступу среднеазиатского газа на европейские рынки;
- недавние трения, вызванные стремлением российских государственных энергетических монополий выйти на европейские *downstream*-рынки и настороженным отношением к этому со стороны европейских антимонопольных органов.

Выход из тупика этого старого формата российско-европейских энергетических отношений и приведение их в соответствие с новой, более конкурентной средой является ключом для обеспечения устойчивости этих отношений в будущем. Как недавно отметило Международное агентство по Энергетике (МАЭ) в одном из документов, «общепризнана растущая асимметрия в структуре рынков энергоносителей между тенденциями поставщиков к национальной монополии и медленным продвижением к открытию рынков в Европе²». Как отмечает МАЭ, недостаток рыночной диверсификации в Евразии создаёт перекосы, что явно имеет место, например, в случае перепродаж Газпромом центральноазиатского газа европейским потребителям со значительной разницей в цене. В более общем плане, европейские потребители вынуждены жить в условиях риска монополии, что негативно сказывается на прозрачности и устойчивости энергетических поставок в Евразии. Европейцам важно осознавать, что позиция российских монополий в большой мере поддерживается некоторыми национальными европейскими компаниями – немецкими, итальянскими и др. – особенно теми, кто сам унаследовал вертикально интегрированную монопольную структуру и поэтому имеет собственные причины для сопротивления открытию европейских энергетических рынков и введению конкуренции.

² Рабочий документ МАЭ.

В проигрыше оказываются потребители

Такой альянс не выгоден ни российским, ни европейским потребителям энергии. Европейские потребители газа уже дважды смогли ощутить на себе последствия этой ситуации в результате случаев прекращения подачи российского газа: в первый раз во время российско-белорусского газового кризиса в январе 2004 года, а второй во время российско-украинского газового кризиса в начале января 2006г. (в обоих случаях Россия намеренно прекращала газовые поставки, не сопровождая их мерами по обеспечению непрерывности транзита газа через Беларусь и Украину). Кроме того, исключительно холодный зимний период в январе-феврале 2006 года, на который пришелся пик сезонного спроса на газ в России, транзитных странах и Европе, привёл к нехватке газа, вылившейся в ограничение обеспечения газом многочисленных потребителей в этих географических зонах. Хотя эти сбои в поставках и не коснулись напрямую большинства конечных потребителей благодаря обширным подземным хранилищам газа в Западной Европе, эти тенденции не могут не беспокоить, особенно, если принять во внимание немалую вероятность повторения этих кризисов следующей зимой 2006-2007гг. и в дальнейшем. Риск остаётся высоким в силу того, что газовым отношениям России с Беларусью и Украиной свойственна неопределённость в средней и долгосрочной перспективе, а риск физической нехватки газа в Евразии во время зимнего пика спроса реально велик в связи с падением производства газа Газпромом на разрабатываемых им месторождениях и недостаточного инвестирования в развитие и производство газа на новых месторождениях в последнее десятилетие. В связи с этим, российский Институт энергетической политики³ прогнозирует дефицит поставок газа российским и европейским потребителям в 100 млрд. кубометров в год в 2010 году по сравнению с сегодняшним спросом. Способность Газпрома обеспечить Европу достаточными объёмами газа вызывает открытую озабоченность и на Западе: «Газпром не инвестирует достаточно средств в развитие новых месторождений или в увеличение добычи на разрабатываемых для того, чтобы покрыть производственный спад на трёх своих крупнейших газовых месторождениях», – заявил Клод Мандил, исполнительный директор МАЭ в интервью газете *International Herald Tribune* в июле 2006г.⁴

³ Руководителем которого является автор данной статьи (прим. ред.).

⁴ J. Dempsey, "Energy agency criticizes Gazprom" [Энергетическое агентство критикует Газпром], *International Herald Tribune*, 6 июля 2006.

Европейские компании, покупающие газ у Газпрома, стремятся не разглашать информацию о реальной ситуации с прекращением поставок, предпочитая вместо этого публично горячо защищать Газпром, заявляя, что «всё в порядке», «поставки бесперебойны», «мы (и только мы) способны удержать под контролем Газпром», а «большинство проблем существуют только в воображении политиков и журналистов». В какой-то степени эта реакция понятна, ведь этим компаниям приходится иметь дело с Газпромом, и любые критические замечания с их стороны могут отрицательно сказаться на отношениях с ним. Но подобная интерпретация ситуации лишь вводит в заблуждение европейцев в оценке реальной степени риска, связанного с российскими поставками газа и таким образом ограничивает способность Европы выработать эффективные решения проблем. Кроме того, эта позиция предоставляет Газпрому дополнительные рычаги политического влияния, увеличивая неравенство игроков на европейском газовом рынке.

Важно понять, что россияне также страдают от этой монопольной среды в газовом секторе: недопоставки газа, связанные с систематической недостаточностью инвестиций в развитие новых месторождений на протяжении всей истории существования Газпрома, существенно ограничивают возможности экономического развития и политики предупреждения климатических изменений. Впервые российская электроэнергетика столкнулась с ограничениями газовых поставок в летние месяцы 2006 года – период, когда спрос по обыкновению невысок. В январе и феврале 2006 года ограничения поставок газа электростанциям в центральной России достигли 80-85% по сравнению с базовыми объёмами, предусмотренными контрактами. Сектор производства электроэнергии был вынужден перейти на альтернативное топливо. Очевидно, что эта вынужденная мера достаточно дорогостояща (зимой 2006г. российские электростанции тратили дополнительно 50 млн. долларов в неделю на закупки мазута) и приводит к серьёзному росту выброса двуокси углерода (в соответствии с расчётами российской электроэнергетической монополии РАО ЕЭС в среднем на российских электростанциях выбросы углекислого газа в результате сгорания нефтяного топлива на 40% выше, чем от сгорания газа).

Объяснение нерешённости этих проблем очевидно: компания, занимающая монопольную позицию, предпочитает скорее инвестировать в экспансию своей монопольной власти, чем начинать долгосрочные и рискованные проекты по геологоразведке и добыче. Например, за последние три года (2003-2005) на фоне более или менее устойчивого роста экспортных доходов, Газпром потратил около 14 млрд. евро на приобретение акций компаний, действующих *вне* газового сектора – нефтяных, нефтехимических, электроэнергетических, в сфере производства оборудования и строительства. И это при наличии сильной государственной поддержки в рамках политики, направленной на увеличение влияния российского государства в этих секторах, что недвусмысленно продиктовано политическими целями. Потраченная сумма превышает объём инвестиций в геологоразведку и добычу газа за последнее десятилетие.

Ничего другого и нельзя ожидать от монополиста, которому не угрожает конкуренция: погоня за рентой и экспансия монопольной власти отодвигает на второй план модернизацию и удовлетворение спроса потребителей. Модернизаторы и реформаторы в России давно требуют фундаментального решения вопроса ограничения монопольной среды в российском энергетическом секторе (особенно газовом) путём поддержки рыночных реформ, включая реструктуризацию Газпрома и поддержку конкуренции – это косвенно решило бы проблему недостаточного инвестирования в развитие разведки и добычи газа. Но этим планам воспрепятствовал президент Владимир Путин, для которого удержание монополии является ключевым способом поддержания механизмов влияния на различные вопросы внутренней и международной политики.

Европейские разногласия и разочарования

Очевидно, что непрозрачные двусторонние связи между вертикально интегрированными европейскими монополиями и Газпромом попросту не могут обеспечить в будущем энергетической безопасности как России, так и Европы. Поэтому особое значение приобретает выработка единой европейской позиции в энергетических отношениях с Россией, как это предусмотрено в Зеленой книге Европейской комиссии *Стратегия безопасной, конкурентоспособной и устойчивой энергетики для Европы*: «... ЕС необходимо иметь чётко определённую внешнюю энергетическую политику и следовать ей с единых позиций как на национальном уровне, так и на уровне Сообщества».

Конечно, только сами европейцы могут решить, как наилучшим образом достичь этой цели. Тем не менее, пора признать, что отдать российско-европейский энергетический диалог на откуп европейским газовым монополиям по переработке, транспорту и сбыту и поддерживающим их правительствам – это подход, обречённый на провал. Прежде всего, такая ситуация не будет способствовать предупреждению кризисов поставок, вызванных недостаточным инвестированием или политическими факторами. Во-вторых, хуже того, она способствует дезориентации европейской общественности, считающей, что закономерная озабоченность надёжностью российских энергетических поставок – не более, чем «белый шум».

Вместо этого необходимо широко признать, что единые европейские институты должны играть более важную роль в переговорах с Россией по вопросам энергетики. Естественно, значительная часть этих вопросов остаётся сферой сугубо коммерческой. Тем не менее, важно соблюдать следующие принципы:

- выбор партнёров российскими энергетическими монополиями по ведению геологоразведки и добычи должен быть открытым и конкурентным и не должен сводиться к эксклюзивным правам каких-либо российских или европейских компаний;
- развитие долгосрочного партнёрства на договорной базе должно предусматривать доступ на конкурсной основе всех оптовых покупателей энергоносителей к приобретению газа у поставщиков;
- доступ к активам на европейских рынках переработки, транспорта и сбыта должен осуществляться с учётом монопольного положения некоторых поставщиков в секторе

разведки и добычи, с целью способствовать открытию производственного сектора для конкуренции.

Конкуренция является универсальной ключевой ценностной составляющей в развитии новых устойчивых отношений между Россией и Европой. При условии строгого соблюдения правил конкуренции, открытие рынка приведёт к повышению взаимозависимости между сторонами, и правительства будут вынуждены считаться с этим. В то же время будет уменьшен риск монополизации транспорта и сбыта энергоносителей их производителями. Правила конкуренции ограничат в таком случае процессы слияния и поглощения в *розничном секторе*, столь желанные сегодня для Кремля, но грозящие монополизацией для европейских энергетических рынков. Например, когда новый российский закон «Об экспорте природного газа», подписанный президентом Владимиром Путиным 19 июля 2006 года и легализующий де-юре российскую экспортную газовую монополию, вступит в силу, вся концепция получения Газпромом доступа к европейским энергетическим рынкам, постепенно открывающимся для конкуренции, окажется под вопросом. Ведь нельзя говорить о какой-либо эффективной конкуренции в секторе сбыта при наличии абсолютной легальной монополии в сфере поставок.

Россия тоже должна признать это. К тому же, укрепление в ЕС правил конкуренции с большой вероятностью будет способствовать эволюции и в самой России. Ведь институционализация монопольной среды может серьёзно ограничить возможности экспансии компаний типа Газпром на европейские рынки, то в то время как у частных компаний немонопольного типа, например, Юкоса и ЛУКОЙЛа, не возникло никаких проблем с приобретением крупных энергетических активов в Словакии, Литве, Румынии и Болгарии.

Выбор европейских партнёров для создания совместных предприятий по производству энергии в России на конкурентной основе также крайне важен, поскольку может повлиять на рыночные монополии на обоих концах цепи поставок. В настоящий момент этот процесс совершенно непрозрачен: свидетельство тому – бесконечный отбор партнёров для разработки Штокманского оффшорного газового месторождения в Баренцевом море, который длится уже два года. Даже долгосрочное партнёрство с Газпромом, рассматриваемое общественностью как «надёжное», не гарантирует доступа к российским геологоразведке и добыче: так, немецкое предприятие Е.ОН-Рургаз, крупнейший прямой инвестор в российскую нефтегазовую промышленность, контролирующий 6,4% акций Газпрома, в течение долгих лет не мог добиться соглашения о доступе к Южно-Русскому газовому месторождению в Восточной Сибири. Только в июле 2006 года было достигнуто рамочное соглашение по этой теме с Газпромом, а подписание окончательного договора снова было отложено.

В настоящее время, процесс выбора партнёров по развитию геологоразведки и добычи газа ведётся по произвольным и непрозрачным критериям и является основным способом ведения дел. Тем не менее, этот процесс может и должен подчиняться европейским правилам защиты конкуренции, особенно в свете того, что Газпром не

скрывает своих намерений серьезной экспансии на европейский рынок, как в количественном отношении (до 178 млрд. куб. м. поставок газа к 2008г, и до 10 млрд. куб. м. только на рынок Великобритании к 2010г.), так и в качественном (планы по приобретению европейских энергетических сбытовых активов). С другой стороны, поставки энергоносителей в Европу не так уж безнадежно зависят от Газпрома: для большинства из 15 членов ЕС, импортирующих российский газ, доля поставок Газпрома в общем объеме потребления первичных энергоресурсов не превышает 10% (за исключением Австрии и Финляндии), а среди новых членов ЕС только в Венгрии и Словакии российские поставки газа составляют около трети потребления первичных энергоресурсов. Но именно эти страны смогут воспользоваться газопроводами Баку-Тбилиси-Эрзурум и Набукко, когда по ним будет импортироваться нероссийский газ, что бросит серьезный вызов рыночным позициям Газпрома в юго-восточной Европе.

Таким образом, зависимость от импорта российского газа в Европе значительна, но не настолько, чтобы воспрепятствовать принятию жестких антимонопольных мер для защиты конкуренции.

Зависимость европейских стран от российского газа

Страна	Импорт российского газа в 2005г. (в мтнэ ⁵)	Потребление первичных энергоресурсов в 2005г., (в мтнэ)	Доля российского газа в общем объеме потребления первичных энергоресурсов, (в %)
Венгрия	8,1	24,9	32,5
Словакия	4,9	18,2	27,2
Турция	16,2	89,7	18,1
Австрия	6,1	34,6	17,7
Финляндия	4,1	25,6	15,8
Чехия	6,7	44,4	15,0
Болгария	2,8	20,3	13,7
Италия	19,7	183,9	10,7
Румыния	4,1	39,8	10,2
Германия	31,4	324,0	9,7
Польша	6,3	91,7	6,9
Греция	2,2	33,5	6,4
Франция	11,9	262,1	4,5
Нидерланды	3,6	94,7	3,8

Источник: BP Statistical Review of World Energy 2006 [Бритиш Петролеум Статистическое обозрение мировой энергетики 2006] (потребление первичных энергоресурсов), Газпром (экспорт газа из России в соответствующие страны).

⁵ мтнэ: миллион тон нефтяного эквивалента.

Заключение

Таким образом, Газпром не полностью защищён от угроз конкуренции и его стремление к дальнейшей экспансии на европейском рынке рано или поздно столкнётся с требованиями подчинения правилам со стороны европейских инстанций по защите конкуренции. Этот процесс мог бы не только заложить основу для дальнейшего частичного открытия российского газового сектора, которое всё же остаётся под вопросом, но, что ещё важнее, ослабить тенденции к монополизации на европейских энергетических рынках, где царят европейские «постинтеграционные» энергетические монополии.

Регулирующие конкуренцию органы ЕС должны взять на себя ведущую роль в определении новых рамок для энергетических отношений ЕС-Россия в будущем. Успех их усилий будет определяющим не только для безопасности энергетических поставок европейским потребителям, но также для российского и евразийского рынков энергоносителей в целом.

Необходимо обеспечить абсолютно равный доступ российским компаниям к европейским энергетическим *downstream*-активам (заветное желание Кремля и Газпрома), а европейским – к геологоразведке и добыче газа в России, а также газовым поставкам из среднеазиатских стран – Туркменистана, Казахстана и Узбекистана. Правительства и компании, сопротивляющиеся правилам конкуренции ЕС путём блокирования доступа к газовым ресурсам или газовому транзиту из третьих стран, не должны быть допущены к приобретению активов на открывающихся европейских рынках. Необходимо отказаться от законодательства, закрепляющего де-юре монополизацию газовых поставок в Европу с востока и поощрять прямые связи между европейскими потребителями газа и альтернативными газовыми поставщиками, российскими или центральноазиатскими – именно в этом направлении действует принцип конкуренции. И подобные отдельные действия на самом деле выгодны не только европейцам.

Когда это обращение будет услышано, отношение к энергетическому диалогу сможет кардинально измениться как в России, так и в тех европейских странах, которые на сегодняшний день предпочитают путь «сепаратных» переговоров.